— Знаешь, больше всего на свете я хочу читать твои тексты сколько душе угодно. Без каких-либо препятствий. Я почувствовал это больше, чем желание стать писателем, — сказал Сокван с улыбкой.

Чжухо нечего было ему сказать. Это был его выбор. Это было его решение. Должно быть, это было нелегко. Роман не мог быть написан просто потому, что его попросили. Если бы сам автор не писал, роман не двигался бы дальше, даже если бы его заставляли. Жизнь была такой же. По этой причине он спокойно слушал, как Сокван высказывается.

Как только Сокван замолчал, воцарилась тишина. Он на мгновение заколебался, но вскоре снова заговорил слегка преувеличенным голосом.

— Ты можешь сделать мне одолжение? Считай это платой за жареного цыпленка.

— Что за услуга? — спросил Чжухо. Это был жест согласия.

— Это по поводу конкурса эссе.

Конкурс эссе. Чжухо совсем забыл об этом. Это был конкурс, в котором в конце был только один победитель.

— Пиши от всего сердца. Не та дурацкая концовка, которую ты написал. Я хочу прочитать историю, которую ты пишешь.

Чжухо коротко взглянул на него и, казалось, почувствовал облегчение. Однако он не был рад видеть такое выражение лица, поэтому ответил

— Я так и сделаю, если и ты напишешь от всего сердца.

Глаза Соквана дрогнули, и момент изменился с его беззаботным замечанием:

— ...Ты понял. Если ты проиграешь, это будет стоить тебе только жареного цыпленка.

***

Сокван покинул дом Чжухо. Солнце садилось, и слабая завеса темноты покрывала небо. Все вокруг него выглядело удручающе. Может быть, это как-то связано с заходом солнца.

— Где уличные фонари, когда они нужны?

Было недостаточно темно, чтобы зажглись уличные фонари, но все же было достаточно светло

для идущих людей.

Медленно возвращаясь, он думал о комнате Чжухо. Он никогда не бывал в подобном месте. Это было зрелище, внушавшее благоговейный трепет. Дело было не в количестве бумаги, которая была в комнате, а в усилиях — страсти к чему-то. Это было то, чего не было у Соквана. Вскоре он остановился как вкопанный.

— Все в порядке, — прошептал он.

Он не пытался, как Чжухо. Он не мог осмелиться на это. Это было пределом его стараний. Хорошо, что он отказался от желания стать писателем.

— Ну, я, вероятно, проиграю.

Он не знал, о чем думал, когда бросал вызов Чжухо. Это было почти забавно.

«Блефу есть предел», — подумал он.

— Все в порядке. Даже если я проиграю, это будет всего лишь жареная курица. Кроме того, у меня сегодня было немного.

«Все в порядке. Это просто жареный цыпленок».

— Черт возьми!

Он сжал кулак от поднимающегося внутри гнева. Изо всех сил стараясь устоять на месте, он некоторое время стоял посреди улицы.

***

— Завтра.

Время текло незаметно, даже если сидеть совершенно неподвижно. Чжухо лежал на своей кровати. Если бы он лег спать в таком виде, то неизбежно наступил бы следующий день, а вместе с ним и конкурс эссе. Конкурс наконец-то состоялся. Казалось, что это было всего за день до того, как господин Мун заключил пари с членами клуба. С тех пор все в клубе писали ежедневно, с нетерпением ожидая жареного цыпленка. Они собирали слова и неоднократно пересматривали их.

Тем не менее, все эти усилия не обязательно были эквивалентны специальной подготовке к соревнованию. Как обычно, участники случайным образом выбирали тему и писали

соответственно. Это означало, что единственное, что им нужно было делать, — это писать, независимо от того, участвовали они в конкурсе или нет. Если и было что-то лучшее в конкурсе, так это то, что участники могли выбрать тему, о которой они хотели написать.

Чжухо встал и прислонился к спинке стула. На улице было темно, и его семья спала. Там были остатки текста, над которым он работал до недавнего времени.

Он подумал о Сокване. Когда он уходил, Чжухо не проводил его. Одной из причин этого было то, что Сокван отказался, но главной — странное ощущение в его руке к тому времени, когда их разговор начал подходить к концу. Это не было иностранной сенсацией. Иногда он испытывал это до того, как начал писать. Когда большинство людей выражали свои эмоции в рисунках, они часто рисовали сердце рядом с грудью. Это было потому, что всякий раз, когда люди были счастливы или грустны, это было больно. Точно так же Чжухо предположил, что ощущение в его руке исходит от его сердца.

— Чувство, к которому я почти мог прикоснуться.

За исключением того, что время от времени ощущение перемещалось к центру его ладони. Это ощущение распространялось по ладони и вызывало зуд и боль одновременно. Чтобы освободиться от этого, Чжухо инстинктивно потянулся за ручкой. Это было не по его воле. Точно так же, как он не мог контролировать свое сердцебиение, у него не было другого выбора, кроме как писать. Тот день ничем не отличался. После того, как Сокван ушел, Чжухо вернулся в свою комнату и начал писать. Он схватил бумагу, которая попалась ему под руку, и начал писать. Это был импульсивный, плохо написанный мусор. Он испустил слабый вздох. Сокван попросил его об одолжении, написать от всего сердца, и что он хотел бы прочитать то, что он написал.

— Я действительно могу это сделать?

Когда он прочитал текст Чжухо, Сокван подумал, что Чжухо намеренно испортил его концовку, но это было неправдой. Он не собирался придумывать такой конец. В отличие от своего характера, он был импульсивен. Он не мог ничего написать, если не был в настроении. С другой стороны, когда он был на пике своего вдохновения, единственным способом снять напряжение в его сердце было писать. Это было раздражающее качество. Если бы эта тенденция проявилась во время конкурса, было бы невозможно что-либо написать, не говоря уже о рассказе, который его друг умирал от желания прочитать.

— Это проблема.

Было неловко, когда меня вызывали за то, что я не вкладывал душу. Было нелегко найти кого-то, кто любил бы книги так же сильно, как Сокван. Они говорили на одном языке. Кроме того, ему не нравилась мысль о том, чтобы разочаровать своего друга.

— Смогу ли я это сделать? — спросил он себя.

— Я узнаю это только завтра.

«Тогда мне лучше просто пойти спать. Не похоже, что я получу много пользы от размышлений всю ночь. Это только затуманит мой разум», — подумал он про себя.

На следующее утро он проснулся после того, как ему приснилось, что его насмерть раздавила инопланетная обезьяна, вторгшаяся на Землю. К сожалению, он был не в лучшем настроении.

***

— Вы все выглядите взволнованными.

— Мы сегодня уходим пораньше! Ура конкурсу эссе!

Во время утреннего собрания все в школе были гораздо оживленнее. Это был не только класс Чжухо, но и вся школа была шумной. Конкурс эссе должен был проходить во время утренних занятий. После этого все должны были быть освобождены. Вся школа была в восторге от идеи уйти пораньше. Некоторые студенты уже начали строить планы пойти в караоке с друзьями. Это было так, как если бы соревнование было отложено в сторону.

— Похоже, не так много людей заинтересованы в этом конкурсе.

— Так будет лучше для нас. Литературный клуб возьмет на себя управление, — сказал Сокван с улыбкой.

— Никогда не знаешь, с кем тебе придется соревноваться, — сказал Чжухо.

Сокван усмехнулся и уверенно ответил:

— Ни за что! Даже если бы там был кто-то с внушающими благоговейный трепет писательскими способностями, это не имеет большого значения.

Казалось, он был возбужден примерно в два раза больше, чем обычно. Затем Чжухо понял, что он становится разговорчивым, когда нервничает.

— Кто осмелится бросить вызов Литературному клубу? Мы примем это в любой день! — громко сказал он, хотя это было похоронено всей взволнованной школой.

Некоторые студенты уже начали думать о том, что написать. Точно так же, как настоящий мастер жил в подполье, никто не мог сказать, какие чудовищные писатели будут соревноваться. В конце концов, жизнь всегда ведет к неожиданным событиям.

В этот момент дверь открылась, и вошла учительница. Это был кто-то знакомый.

— Это господин М.

Сокван приветствовал его. Конкурс эссе сам по себе был тестом, поэтому каждый учитель должен был наблюдать за классом. В руке господина Муна была стопка большой серой переработанной бумаги. Хотя он не давал никаких указаний, в классе воцарилась полная тишина. Это был рефлекс студентов — готовиться к экзамену всякий раз, когда попадалась серая переработанная бумага.

— Ты не забыл о моей услуге, не так ли? — спросил Сокван.

Его голос звучал спокойно, и Чжухо слегка кивнул ему. При этих словах Сокван без колебаний обернулся, и Чжухо посмотрел ему в спину.

«А вот и серые страницы», — подумал он.

— Возьмите один и передайте его человеку, стоящему позади вас. Вы можете начать, как только получите свой документ.

Чжухо глубоко вздохнул, слушая голос господина Муна. Сокван протянул ему бумагу.

На большом листе бумаги, который занимал почти весь стол, были квадратики. В этих квадратах был список тем на выбор. Учитель, родители, любовь, дружба, школа, друзья, день дерева, день движения за независимость и т.д. Из списка легко было понять, что это для школьного конкурса сочинений. Чжухо нашел слово, которое было в конце списка. Это было словно гром среди ясного неба.

«Гипсовая фигура. Откуда это взялось? Может быть, это была идея господина Муна».

Чжухо задумался о выражении лиц других учителей.

— Пфф!

Спереди послышался слабый смешок. Сокван, должно быть, подумал то же самое. Чжухо нарисовал круг вокруг слова «гипсовая фигура». Его рука двигалась неловко, и кривой круг беспокоил его.

Он понял, что в этот момент совершенно не способен сосредоточиться. Другие студенты перешептывались. Они спрашивали друг друга, о чем они собираются писать. Господин Мун на самом деле почти ничего не сказал. Это не было строго контролируемой средой. Во всяком случае, это было больше похоже на фестиваль.

«Фестиваль».

Чжухо представил себе фейерверк грандиозного фестиваля. Люди, марширующие с яркими огнями, шли между рядами толпы. Звучала вдохновляющая музыка, и люди были полны волнения, как и ученики в том классе.

«Кстати говоря, когда был школьный фестиваль?»

Он обычно готовился примерно после выпускного экзамена второкурсников. У Чжухо не было особых воспоминаний о школьном фестивале. Это было не совсем весело.

«Что Литературный клуб будет делать на фестивале? Настроить будку для писательского опыта?»

Вряд ли это будет кому-то интересно. Клуб уже был в классе, который был вне поля зрения. С таким скучным контентом никому не будет интересно.

«Мы вообще что-то делаем?» — спросил он себя. Фестиваль был намного позже, но ему вдруг стало любопытно.

Подумав о разных вещах, связанных с фестивалем, Чжухо покачал головой.

«Сейчас не время. Вырваться из этого. Надо писать», — напомнил он себе.

Он сконцентрировался на размышлениях об образах гипсовых фигур. Агриппа, Венера, Жюльен, Микеланджело, Гермес, Аполлон, Кант. Они были самых разных форм и размеров.

В художественном классе в школе тоже была гипсовая фигурка. На его белой гладкой поверхности виднелись брызги краски. Тут и там были каракули, написанные и стертые. Ее красивые изгибы были запятнаны темными пятнами. Если бы она была жива, у нее было бы много жалоб на то, как с ней обращаются.

Когда Чжухо думал о коже гипсовой фигуры цвета слоновой кости, его мысли, естественно, возвращались к истории о Пигмалионе. Пигмалион. Так звали скульптора, который влюбился в одну из своих скульптур. Он гладил и целовал ее. После отчаянных молитв скульптура наконец превратилась в настоящую женщину, и они влюбились друг в друга.

«Отлично, я почитаю о мифологии, когда вернусь домой», — подумал он.

Чжухо ущипнул себя за лоб.

«Я делаю это снова».

http://tl.rulate.ru/book/27516/2275963